

Мы двинулись в путь, как только солнце село.

Не на всех баррикадах стояли часовые. Когда мы отошли от главных ворот и пошли в сторону, то увидели низкие холмы. Здесь тоже стояли автобусы, но на страже никого. Как можно быть такими небрежными? После долгого наблюдения, лежа на земле, мы установили, что солдаты выходят в патруль примерно раз в 30-40 минут.

Старый поднялся осторожно, как только патруль прошел мимо автобуса, и быстрым шагом побежал туда. Я за ним. Он попытался залезть под автобус, но тут же вылез обратно. Внизу все было заблокировано. Старик немного покачался взад-вперед, затем подобрал увесистый камень и попросил у меня ткань. Я вынул тряпицу из сумки и подал ему. Он обернул тряпкой камень и, раскрутив ее, как пращу*, бросил в окно. Раздался звон и глухой стук. Мы заозирались, проверяя, не услышал ли патруль.

Время поджимало. Я быстро подбежал к окну и встал так, чтобы старик мог залезть мне на плечи. Он перелез по мне через окно и протянул руку. Я долго подпрыгивал, схватившись за его руку и скользя подошвами ботинок по боку автобуса, и, наконец, мешком свалился на пыльный пол. Укушенная правая нога опять дала о себе знать тупой болью. Мы присели на корточки, и старый тихо сказал:

— Границы оказались дальше, чем мы думали. У нас полчаса, пока сюда не придет охрана.

Я кивнул. Старик поднялся, подошел к противоположному окну, открыл его и выпрыгнул наружу. Подставив мне плечи, помог спуститься вниз. Мы подошли к бетонному стенду с картой университета. Старый ткнул пальцем на текущую позицию.

— Мы тут. Корпус юрфака недалеко, а ветеринарный находится аж вот здесь, — он провел пальцем по карте.

Я ответил:

— Тогда, если я опоздаю, не жди меня и уходи.

Он лишь улыбнулся, не отвечая, и развернулся в сторону юридического корпуса. Я смотрел ему вслед и снова поднял глаза на карту. Запомнив направление, побежал вперед.

Холодный ветер ножом резал рану на ухе. На самом деле, я почти не чувствовал половину лица. Иногда была боль, но тут же исчезала. Мне очень не хочется ослаблять повязку и смотреть, что там с раной, но я прекрасно понимаю, что все становится хуже. В этом плане я был инфантилен, как ребенок.

Бежал, прячась в тени деревьев и зданий. В университетском городке стояла тишина. Конечно, это мне на руку. С облегчением, я перешел на шаг. Некоторые окна в зданиях были заклеены,

чтобы не пропускать свет. Вдалеке иногда видно патрульных, но они не представляли большой угрозы. Я немного устал постоянно прятаться. Когда видел идущих в мою сторону, тут же нырял в тень. Вперед шла широкая дорога, по которой раньше к главному корпусу подъезжали автомобили. Впереди должен быть спортзал, а напротив здание ветеринарии.

Только перед этим нужно пройти КПП, около которого у костра сидели солдаты. Изредко до меня доносились обрывки речи и смех. К ним подошли патрульные. Прижимаясь к деревьям в темноте, я осторожно крался вперед, моля Бога, чтобы они меня не заметили. Впереди была детская площадка с наваленной кучей мусора. Я присел за ней, вытирая со лба пот.

Добрался ли старый до корпуса юрфака? Не увезли ли Че Ён из города? Я тряхнул головой. Сейчас не время думать. Увидел дорожку от детской площадки, ведущую к другим зданиям университета. Позади вскрикнули и засмеялись.

Так, куда мне идти? Я сжал кулаки, силясь вспомнить карту. Сейчас стою на развилке. Справа теннисный корт и маленькое здание, а слева большое здание.

Спортзал!

Значит, я пришел. А это большое здание напротив корта — и есть веткорпус.

Че Ён, жди меня, я иду.

Побежал вперед, с пистолетом в руках. Тяжелая сумка болталась на плече, а в теле усталость и боль. Но я упрямо бежал вперед. Однако, дверь спортзала скрипнула, выпуская полоску света. Я едва успел забежать за угол. До меня донеслись разговоры и чье-то пение.

Это был человек в штатском, не солдат. Шатаясь, он побрел к ближайшей клумбе. Я стоял у стены, как приклеенный, а он прошел мимо, не обратив внимания. От него несло перегаром и еще чем-то вонючим. Мужик подошел к клумбе и, спустив штаны, стал на нее мочиться.

Я пытался унять бешено колотящееся сердце, повторяя про себя: "Он меня не видит, надо подождать". Мне казалось, я ждал вечность, пока вдруг из кармана его брюк не раздалось потрескивание.

[Вы где?]

Мужик тяжело рыгнул, что-то пробормотал непонятное и вынул рацию из кармана, отвечая пьяным голосом:

— Ша иду. Чё там у вас, придурок?

[Они хотят кого-нибудь нового.]

Мужик сплюнул, ругнувшись, и ответил громко:

— Чё им неймётся всё? Сдохнуть хотят что ли?

Рация молчала. Возможно, человек на том конце был ниже по званию и не знал, как ответить. Наконец он сказал:

[Они спрашивали, можно ли детей...]

Мужик снова вздохнул, матерясь, и перебил:

— Приведи им девок, которых мы поймали недавно.

Не дождавшись ответа, он вырубил рацию и продолжил свой акт мочеиспускания, фальшиво насвистывая. Я осторожно вытащил меч, дрожа от гнева и отвращения. У меня не было права его убивать. Я не судья. Я был трусом и эгоистом. Но чувство долга, но не горящее, как пламя, а скорее мутное, как сточные канализационные воды, на мгновение охватило меня. Как уборщик, который не может пройти мимо мусора, так и я не мог это так оставить.

Когда услышал слова мужика, перед глазами вспыхнуло личико Че Ён. Мир вокруг полон грязи, а она такая светлая и чистая. Хотя, может, все дети такие. А этот человек не имел чувств и совести. Он сам дал мне разрешение убить его. Я затрясся, как сумасшедший, при мысли о том, что они что-то сделали Че Ён.

Поднял меч дрожащими руками.

Ни единого звука. Как тень, подскочил сзади, зажав мужику рот рукой и вонзая меч в шею. Он глухо взвизнул. Меч одним махом режет плоть, повреждая кровеносные сосуды. Мужик бьется в моей хватке, но я продолжаю бить его мечом. Кровь фонтаном брызжет на клумбу, окрашивая и мои руки.

Мужчина медленно обмякает. Я бросил его на землю, глядя, как он хватая ртом воздух и смотрит мутными глазами на меня.

Вынул тряпку, вытирая руки и лицо. Удивительно, но в прошлый раз меня уже вырвало на стадии вытирания меча. Сейчас же я просто вытер рукавом слезы с глаз и прислонился к стене.

Чувствую, как в душе что-то оборвалось. Я так разгорячился, что мне стало тепло, а сейчас опять мерзну. Но нет времени. Пошатнулся, стирая с себя оставшиеся пятна крови. Че Ён не

должна видеть меня таким.

Снова спрятался в темноте, глядя на веткорпус.

* Праща́ — гибкое, жёсткое или комбинированное метательное военное или охотничье орудие. Предназначено для метания камней или специально изготовленных пуль.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4852818>